

УДК 316.334.56

СОЦИАЛЬНО-ИНКЛЮЗИВНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ОЦЕНКИ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирована категория «социально-инклюзивная городская среда» с позиции феноменологической традиции социологии. Описаны возможные направления понимания инклюзии в рамках городских исследований, выделены условия и факторы, способствующие созданию социально-инклюзивной городской среды, а также барьеры и препятствия в реализации социально-инклюзивного потенциала города. На основе анализа текстов глубинных интервью сконструировано пространство семантического дифференциала для эмпирической оценки степени инклюзии городской среды.

Ключевые слова: городская социология; феноменологический анализ; город; городская среда; жизненный мир; инклюзия; функции и дисфункции инклюзии; социально-инклюзивный потенциал городской среды.

SOCIO-INCLUSIVE POTENTIAL OF URBAN ENVIRONMENT AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY: PERSPECTIVES OF INTERPRETATION AND ASSESSMENT

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is devoted to the analysis of the category «socio-inclusive urban environment» from the perspective of the phenomenological tradition of sociology. Possible fields of reflection inclusiveness within methodology of urban studies are given, the conditions and factors contribute to the creation of socio-inclusive city, as well as barriers and obstacles to the realization of such phenomenon are analyzed. Based on the text of in-depth interviews, a semantic differential space for an empirical assessment of socio-inclusiveness is constructed.

Keywords: urban sociology; phenomenological analysis; city; urban environment; life-world; inclusiveness; functions and dysfunctions of inclusiveness; socio-inclusive potential of urban environment.

Введение

Одной из важнейших функций городской среды является объединение (*communication*) – превращение разрозненной атомизированной массы горожан в единое целое, в активного социального

субъекта, обладающего коллективным сознанием и идентичностью. В этом смысле город можно сравнить со сложным живым организмом, способным к самоорганизации, адаптации и развитию,

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Социально-инклюзивная городская среда как социологическая категория: возможности интерпретации и оценки. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;1:102–109.

For citation:

Lebedeva EV. Socio-inclusive potential of urban environment as a sociological category: perspectives of interpretation and assessment. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;1:102–109. Russian.

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations.

Elena_lebedeva_bsu@tut.by

«клетками» которого являются отдельные индивиды (горожане) и их группы (городские сообщества). Основой здорового существования любого живого организма является наличие связи и взаимоподдержки между всеми его элементами. Следовательно, для здорового существования города необходимы многочисленные коммуникации и кооперации между всеми субъектами городской жизни. Коммуникация при этом рассматривается не как простой обмен информацией между коммуникатором и реципиентом, а как сложное, комплексное, разноплановое социально-информационное взаимодействие. «Предпосылкой к коммуникации является наличие отношений между кем-либо и кем-либо, возникновение связи и, далее, взаимодействие на основе этих отношений» [1, с. 21]. Коммуникация проявляется во взаимном влиянии различных объектов друг на друга, их соединении, распаде, переходе одного в другой и т. д. В этом смысле коммуникация «выполняет формирующую функцию, создает и репрезентирует жизненный мир» [2], характеризует процессы конструирования городской социальности. На практике реализация функции объединения иллюстрирует то, как именно город влияет на характер и содержание отношений между людьми (способствует или препятствует осуществлению социального взаимодействия, стимулирует кооперацию или конкуренцию и т. д.).

Еще в начале прошлого века тему одиночества и изоляции в условиях большого города озвучил Г. Зиммель в своем знаменитом эссе «Большие города и духовная жизнь» [3]. В городе доминируют отношения полезности, межличностное общение приобретает утилитарный характер, индивиды постепенно утрачивают чувство участия, характерное для интегрированных (сельских) сообществ. Несколько десятилетий спустя представитель чикагской школы Льюис Вирт резюмировал мысль о том, что именно в большом городе наиболее радикально трансформировалась человеческая среда обитания: «Помимо подрыва традиционных основ социальной солидарности и замены первичных контактов вторичными, урбанизму присущи такие черты, как ослабление родственных уз, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства» [4, с. 115]. К концу XX в. эти мысли окончательно оформились в концепцию кризиса публичности, поразившего современные большие города, существующие в условиях *liquid modernity*: горожанин становится исключительно мобильным и не обременяет себя длительными обязательствами [5], испытывает перманентную боязнь *Другого*, вследствие чего максимально избегает контактов с незнакомцами [6], а также предпочитает воображаемые сообщества реальным [7]. Естественный отбор и сегрегация в мегаполисах могут пойти так далеко, что единственной формой взаимодействия между его жителями будет конкуренция как бес-

конечное стремление найти (отвоевать) свое место в социальной конфигурации города.

Город, используя доступные ресурсы, старается преодолеть кризис публичности (помним, что коммуникация и кооперация являются непреложными условиями его существования). Чаще всего в роли объединяющего ресурса выступают городские публичные пространства – открытые, подходящие для встреч незнакомых людей друг с другом городские территории, которые берут на себя функцию локаций, используемых для осуществления коммуникаций (сцена для социального действия). В том или ином ракурсе проблематика публичного пространства довольно часто выступает в роли предмета исследования, как в изучении западных (например, И. Гоффман [8], Л. Лофланд [6], Р. Сеннет [9], Р. Ольденбург [10]), так и постсоветских городов (например, В. Вахштайн [11], А. Желнина [12], Е. Тыканова [13]). Несмотря на очевидную популярность этой темы в социальных науках, анализ функциональной специфики городского публичного пространства (в частности, его инклюзивного потенциала) значительно менее популярен. Исходя из этого, статья нацелена на решение следующих задач: 1) дать интерпретацию понятия «инклюзия» в контексте городских исследований; 2) на основе текстов глубинных интервью выделить условия и факторы, способствующие созданию социально-инклюзивной городской среды; 3) описать барьеры и препятствия в реализации социально-инклюзивного потенциала города (инклюзивные дисфункции).

Теоретической основой исследования выступили представления о производстве пространства Анри Лефевра [14], теорема дуальности социальных структур Э. Гидденса [15], а также некоторые положения структурного функционализма Р. Мертона (в частности, его представления о функциях и дисфункциях) [16]. Интерпретация собранного эмпирического материала осуществлялась с применением феноменологического метода Альфреда Шюца [17] и этнометодологии Гарольда Гарфинкеля [18]. Представим краткую характеристику методологии исследования.

Городская среда представляет собой функциональное единство различных культурных форм, репрезентированных как в территориальном (физическом), так и в пространственном (социальном) выражении. Ее устойчивость (гомеостаз) зависит от того, насколько точно учтены потребности горожанина как объекта воздействия городской среды. При этом исходной точкой выступает физическая пространственная организация города, которая создает особый тип социальных практик, утилизирующих и преобразующих его материальное тело. Преобразование городской территории способно сформировать новые социальные практики, привести к появлению новых форм городской жизни. Прослеживается и обратная связь, когда «новые»

социальные практики меняют «старую» городскую территорию. Согласно Гидденсу, в повседневном взаимодействии индивиды руководствуются как дискурсивным (рассудочным, понятийным), так и практическим (нерефлексивным), возникающим в ответ на привычную ситуацию сознанием [15, с. 93–94]. К примеру, доступная городская среда способна сделать видимыми маломобильных горожан (людей в инвалидных колясках, пожилого возраста, с грудными детьми и пр.). Их постоянное присутствие в границах публичного пространства становится привычным для всех, воспринимается как норма, снижает уровень нетерпимости (когда индивид комфортно чувствует себя исключительно в окружении похожих на него людей), способствует профилактике так называемого стереотипного дискриминационного мышления (установки на то, что определенные действия подходят либо не подходят определенным людям), формирует ценности взаимоуважения и равенства. Эти ценности, в свою очередь, поддерживают устойчивость городской среды (т. е. делают ее более комфортной и доступной). Такое становится возможным в силу способности акторов (в данном случае горожан) к рационализации и рефлексии своих действий. При этом горожанин не является пленником сложившихся социальных структур, поскольку жизненный мир постоянно создается и воссоздается индивидами в ходе их повседневного взаимодействия друг с другом, а также с окружающей средой, зависит от их сознания и интерпретаций [17]. Общее понимание индивидами социальной жизни приходит не только извне, через принятие общих

культурных норм («как все делают»), оно может конструироваться изнутри, на основе собственной практической рациональности («как подсказывает интуиция»). Гарфинкель называет это локальным производством общественного порядка [18]. Следовательно, горожанин – это не только потребитель городских благ и услуг, но и активный источник развития города.

Исходя из этого, общая стратегия данного исследования представляет собой **феноменологическую редукцию**: 1) обнаружение исходного значимого (разделяемого субъектом, но не независимого от него); 2) фиксацию естественной установки (непосредственного отношения субъекта к жизненному миру); 3) анализ-реконструкцию возможных согласований (пониманий), достигаемых субъектами в интересующем взаимодействии.

Эмпирическим материалом статьи стали тексты глубинных интервью (всего 25), собранные в трех белорусских и трех российских городах (Минск, Бобруйск, Гродно; Санкт-Петербург, Владивосток и Комсомольск-на-Амуре). Отбор информантов осуществлялся с учетом имеющихся представлений о трех базовых функциях городской среды (объединение, восстановление и развитие [19]). Исходя из этого, были обозначены три сферы для рекрутинга респондентов: досуг и отдых, здоровье и безопасность, образование и развитие. В ходе интервью информантам предлагалось описать дружественную либо недружественную городскую среду (с указанием конкретных случаев дружественности/недружественности), а также обозначить свою роль (роль других субъектов) в ее создании.

Обсуждение и результаты

Город – это всегда результат коллективных усилий и во многом компромисс, коммуникация и кооперация являются базовыми принципами его существования. Льюис Мамфорд метафорически называет город, утративший свою социокультурную сущность, некрополисом, или «городом, превратившимся в пустую раковину» [20, р. 291]. Концентрация на собственных интересах и ценность приватности, свойственные большим городам, формируют принципиально новый тип горожанина, предпочитающего виртуальный мир реальному. «Косвенно или напрямую игнорируя социальную среду повседневности, которая влияет на социализацию индивида, его жизнедеятельность и мироощущение, человечество рискует замкнуться на “микрокосмосах”, существующих в псевдо-реальности и замкнутых социальных группах» [21, с. 486]. И наоборот: устойчивый город – тот, в котором социальная жизнь максимально разнообразна и интенсивна. Иными словами, городская среда должна быть достаточно инклюзивна для того, чтобы вовлекать в производство пространства большинство городских жителей.

Социальная инклюзия определяется как «совокупность процессов по обеспечению равных прав, возможностей и шансов индивидов / социальных групп на доступ к ресурсам, полноценную жизнь и участие в жизни общества вне зависимости от гендерных, возрастных, социально-статусных, образовательных, национальных, конфессиональных, медицинских и иных идентификационных признаков и особенностей» [22, с. 1]. В этом смысле инклюзивный город нацелен на преодоление различных проявлений маргинализации, изоляции, джентрификации и неравенства в самом широком смысле этого слова. Однако в прикладных исследованиях городской среды обычно под инклюзией понимается исключительно доступность базовых городских ресурсов (как правило, для людей с ограниченной мобильностью). Современные же социологические концепции трактуют данный термин значительно шире. Социально-инклюзивный потенциал города понимается, как способность городской среды формировать определенную городскую идентичность [23], обеспечивать возможность коммуникации между разнородными индивидами и группами [10],

развивать у горожан толерантность, терпимость, межкультурную компетентность [6]. Несмотря на разностороннюю направленность, большинство существующих определений характеризуют лишь внешнюю сторону инклюзии (как заданное свойство городской среды, ее видимые качества, делающие город доступным для большинства – «город для всех») и ничего не говорят об инклюзии внутренней, субъективном восприятии доступности городской среды, возможности реализовать свое право на город («город для меня»).

Для того чтобы провести границу между «городом для всех» и «городом для меня», городская среда должна быть представлена как жизненный мир. Подобная редукция представляется вполне оправданной, поскольку Альфред Шюц напрямую сравнивает жизненный мир с городом. По аналогии с городом жизненный мир находится в тесном сосуществовании с объективной физической реальностью (природным миром), кроме того, восприятие как города, так и жизненного мира отталкивается от определенного центра – нулевой точки координат (например, от главной городской площади или же собственного дома). Любое ориентирование в городе происходит в зависимости от выбранной точки центра («далеко от главной площади», «далеко от моего дома»), как и ориентирование в жизненном мире осуществляется в зависимости от значимого центра (человеческого Я) – «каждый из нас... оказывается в центре окружающего его социального космоса» [17, с. 75]. Понимая жизненный мир как «синтез деятельности людей, поведения и условий, в которых оно реализуется» [24, с. 7], «мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности» [24, с. 8], на эмпирическом этапе исследования категория «инклюзивный город» была заменена на категорию «дружественный город»¹. Вопросы, задаваемые информантам, можно условно объединить в две большие группы: «Что такое дружественный/недружественный город – в целом и для меня лично?»; «Что нужно делать для того, чтобы города были дружественными – все в целом и я лично?». Соответственно, интерпретация полученных ответов сводилась к реконструкции смыслового наполнения двух плоскостей жизненного мира горожанина: «Как я ощущаю инклюзивный город» и «Как я создаю инклюзивный город».

Тексты глубинных интервью позволили обозначить три ключевых смысла городской инклюзии:

1) отсутствие значимых физических и социальных барьеров (*Важно иметь возможность устанавливать контакты друг с другом, хотя бы зрительные, когда контакты налажены, будет и совместная активность, но контакт всегда первичен*²);

2) презумпция доверия как основа городской жизни (*Если между горожанами нет доверия, если все друг друга боятся, то и взаимодействия тоже не будет*);

3) наличие практики бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории (*Когда территория не занята постоянно какой-то определенной группой, а меняется, подстраивается под нужды и запросы разных людей*).

Исходя из выделенных смыслов, социально-инклюзивная городская среда должна оцениваться в ракурсе выполнения следующих подфункций: коммуникативной, собственно инклюзивной, а также организационно-креативной³.

Рассмотрим их содержание подробнее.

Коммуникативная подфункция характеризует влияние различных элементов городской среды на интенсивность, структуру и содержание городских социальных интеракций. Данная подфункция позволяет судить о преимущественной направленности взаимодействия горожан друг с другом (преобладание кооперации или конкуренции), об их включенности в жизнь локальных сообществ, об общем уровне доверия горожан друг к другу, а также о наличии определенной территориальной идентичности (*Я-образа*). Эффективность реализации коммуникативной подфункции городской среды зависит от следующих факторов: 1) наличие городских территорий, подходящих для взаимодействия горожан друг с другом («сцен для социального действия» [9]), 2) осознание общности интересов как повода для взаимодействия; 3) наличие механизмов внешнего структурирования такого взаимодействия посредством формулировки его задач (например, с использованием городской событийности).

Инклюзивная подфункция характеризует степень открытости городской среды для всех категорий горожан, независимо от их демографических характеристик, материальных возможностей, национальной и конфессиональной принадлежности, а также для индивидов, имеющих особые потребности и (или) находящихся в особой ситуации. Применительно к городской среде социальную инклюзию следует понимать как отсутствие дискриминации, неуважения, равнодушия и безразличия горожан друг к другу, удовлетворение соци-

¹Понятие «дружественность» придает эмоциональную окраску достаточно формальному термину «инклюзивность», позволяет «очеловечить» образ города («город как мой друг»).

²Здесь и далее курсивом обозначены цитаты из экспертных интервью.

³Как составных частей более общей функции объединения [19].

альной потребности быть включенными в группу, возможность социальной адаптации и интеграции горожан на основе определенной территориальной идентичности. Иными словами, говоря о социально-инклюзивной городской среде, мы подразумеваем реализацию права на город, т. е. возможность различных групп людей быть видимыми в городе, полноценно использовать его ресурсы.

Инклюзивная городская среда включает в себя три ключевых аспекта:

1) **социальная безопасность** – отсутствие страха или неприязни к незнакомцам и/или людям, внешне отличающимся от большинства⁴ (*Нужно относиться к ограничениям других людей достойно, не проявляя агрессии или неудовольствия, не смотреть на них с жалостью, а воспринимать как равных*);

2) **свободная мобильность** – удобство и безопасность перемещения по городу, возможность полноценно пользоваться его инфраструктурой (мобильность оценивается по трем направлениям: 1) как пешеходная доступность городской среды; 2) как возможность удобно, быстро и безопасно перемещаться по городу на личном или общественном транспорте; 3) как простота навигации на городских улицах;

3) **вариативность территории** (внедрение принципа пространств-трансформеров) – возможность параллельного или последовательного использования городской территории разными социальными группами, разнонаправленное событийное наполнение одной и той же территории (*Кто-то любит быстро двигаться, а кому-то надо сесть передохнуть под деревом каждые несколько минут пути, город должен уметь подстроиться под каждого; Никакая территория не должна быть постоянно занята одной и той же группой, она должна меняться и адаптироваться под интересы разных людей, под разные события*).

Организационно-креативная подфункция характеризует степень участия горожан в общественной жизни, в создании и преобразовании городских мест, а также общую активность городских локальных сообществ (*Когда горожане ощущают себя собственниками не только своей квартиры, но и своего дома, своего района, своего микропространства*).

Организационно-креативная роль городской среды заключается в том, что она предлагает простые и доступные механизмы участия в городской жизни, в преобразовании городской территории. Спектр таких механизмов может быть крайне широким, начиная от непосредственного преобразования своего жилого двора (*Важно еще в детстве позволить ребенку клумбу свою посадить во дворе;*

Можно привлекать детей для преобразования городской территории с помощью конкурсов на лучший школьный двор) и заканчивая участием в принятии решений, касающихся жизни всего города (*Если горожанам предлагают не один какой-то готовый проект, а несколько различных вариантов развития территории, если они могут сравнивать, обсуждать и голосовать, то у них формируется понимание того, почему приняты те или иные решения, более того, они чувствуют свою причастность к таким решениям*). Системное и комплексное использование таких механизмов участия (*place-making*) является значимым фактором, определяющим социально-инклюзивный потенциал города, так как повышает способность горожан к самоорганизации, их активность и инициативность, стремление к самосовершенствованию через преобразование окружающей среды, формирует и закрепляет ценности ответственности и вовлеченности. В таких условиях инклюзивность становится общей задачей для каждого, а не абстрактным требованием к тому, кто сверху.

По результатам глубинных интервью, низкий социально-инклюзивный потенциал городской среды (недружественность города) воспринимается информантами как:

- ограниченные возможности для свободной мобильности – барьеры и препятствия, затрудненное самостоятельное передвижение маломобильных горожан (*Эти ужасные ступеньки; Подземный переход – это просто катастрофа; Метро у нас крайне недружественный транспорт для людей с детскими колясками*), сложности с навигацией (*невозможно что-либо найти, сориентироваться, даже если знаешь адрес*), неэффективная работа системы общественного транспорта (*Без машины никак не добраться*);

- упадок городского публичного пространства, его запустение, отсутствие возможности проводить досуг в границах городской среды (*После окончания рабочего дня улицы пустеют, все по домам сидят; надо очень сильно напрячься, чтобы придумать, куда бы это сходить; После работы пойти некуда, можно только у себя в квартире устроить праздник, а снаружи нет жизни никакой вообще*);

- различные проявления сегрегации, боязнь чужака, настороженное отношение к представителям меньшинств, незнакомцам, людям, оказавшимся в сложной ситуации, преобладание конкуренции и борьбы за ресурсы (*У прохожих ничего нельзя спросить, они сразу же от тебя шарахаются; Общество боится присутствия на виду других, не похожих на большинство; Кто сильнее и быстрее – тот и прав, тот и в выигрыше*);

⁴Зачастую корни боязни незнакомцев растут из детства. Проведенные исследования показывают [25], что детей на городских улицах больше всего пугают именно другие люди. В зарубежных работах этот страх получил название *danger-stranger*.

• пассивная толерантность, концентрация на частных проблемах и равнодушие к общегородским, отсутствие участия и сопереживания (*каждый живет в своей квартире, в своем собственном обособленном мире, и ему дела нет до общих проблем города; дорогу спросить не у кого, никто не поможет; ребенок попал в трудную ситуацию на улице: колесо велосипеда застряло в канализационной решетке, а взрослые мимо проходят, никто ничего не замечает*);

• излишняя коммерциализация городского публичного пространства, когда оно становится не по карману для определенных (часто многочисленных) категорий горожан (*Все очень дорого, на выходных с детьми куда-либо выбраться проблематично; В городе не хватает мест, в которых можно было бы круглый год проводить время бесплатно, ну, или почти бесплатно*), преобладание развлекательных функций городской среды, перекося в сторону потребительских практик (*Крупный торговый центр – это одно из главных мест для досуга в городе, подростки постоянно там тусуются; Люди практически не участвуют в организации городских*

событий, они в лучшем случае потребители – пришли, молча посмотрели, что-то купили и по домам разошлись);

• фактическая «приватизация» наиболее значимых городских мест какой-либо одной социальной группой, превращение города в совокупность закрытых клубов для избранных, к которым сложно присоединиться людям со стороны (*Я, вроде бы, могу туда попасть, но не пойду, зная, что там нет моих ровесников; Построили пандусы, а куда и зачем по ним подниматься – не продумали; На детей и молодежь смотрят косо*);

• жесткое и непродуманное зонирование городской территории, когда город как бы «разрезает» общество на части – горожане с детьми и без, молодежь и старики, богатые и бедные (*На детских площадках есть места, где бегать детям, но при этом нигде посидеть родителям или бабушкам-дедушкам*).

Объединив полученные интерпретации в шкалу с полярными характеристиками, можно сконструировать пространство семантического дифференциала для эмпирической оценки степени инклюзивности городской среды (см. таблицу).

Признаки социально-инклюзивной городской среды

Signs of socially-inclusive environment

Социально-инклюзивная городская среда	
Положительное значение признака	Отрицательное значение признака
Достаточное количество городских мест, подходящих для взаимодействия горожан друг с другом	Упадок городского публичного пространства, его недостаточное развитие
Доступные возможности для свободной мобильности в границах городского публичного пространства (в том числе и маломобильных категорий граждан)	Ограниченные возможности для свободной мобильности (наличие барьеров и препятствий, сложности с навигацией, неэффективная работа общественного транспорта)
Отсутствие страха или неприязни к незнакомцам и/или людям, внешне отличающимся от большинства, «презумпция доверия» как основа городской жизни	Сегрегация и изоляция, низкий уровень доверия горожан друг к другу, преобладание конкуренции и борьбы за ресурсы
Осознание горожанами общности интересов как повода для взаимодействия, наличие механизмов внешнего структурирования такого взаимодействия	Пассивная толерантность, отсутствие участия и сопереживания
Вариативность территории, внедрение принципа «пространств-трансформеров», бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории	Фактическая «приватизация» наиболее значимых городских мест какой-либо одной социальной группой, непродуманное зонирование городской территории
Доступные механизмы участия в городской жизни / преобразовании городской территории (как непосредственного, так и косвенного)	Коммерциализация городского публичного пространства, преобладание потребительских практик в структуре городского досуга

Заключение

Проведенное исследование показало, что социально-инклюзивный потенциал города характеризуется не только и не столько созданной в нем безбарьерной средой, но и общей открытостью социального пространства. Помимо отсутствия страха или неприязни к людям, отличающимся от большинства, необходимыми условиями инклюзивности

являются, во-первых, презумпция доверия горожан друг к другу и осознание общности интересов, как основа для взаимодействия; во-вторых, регулярные практики бесконфликтного совместного использования одной и той же городской территории; в-третьих, возможность активно участвовать в создании городских мест и организации город-

ских событий. Социальное проектирование инклюзивной городской среды – процесс достаточно сложный и длительный, требующий, помимо наличия соответствующей инфраструктуры, разработки системной политики, позволяющей эффективно использовать различные интеграционные механизмы и технологии. В то же время, если городская территория удовлетворяет исключительно прагматические потребности жителей, а городское пространство стимулирует сегрегацию и изоляцию (горожане дистанцированы от участия в общественной жизни, от социальных и культурных процессов), это не только губительно действует на городскую социальность, но и ставит под угрозу устойчивость всей городской среды в целом.

К сожалению, стоит отметить, что положительные тенденции в этом отношении связаны исключительно с развитием внешней инфраструктуры

(т. е. с преобразованием городской территории), тогда как преобразование городского пространства (формирование ценностей инклюзивной культуры) все еще находится на начальной стадии. При внешней видимости активного участия в городской жизни, которое часто сводится к посещению разнообразных городских праздников, индивид из субъекта городской социальности все больше превращается в пассивного потребителя городских ресурсов, источник для получения прибыли, и его ценность отождествляется с платежеспособностью. Вместе с тем многочисленный международный опыт свидетельствует о том, что выгоды, которые получает государство, предоставив горожанам равную возможность активного участия в социальных процессах, свободу доступа к объектам социальной инфраструктуры и культурным ценностям, полностью компенсируют произведенные затраты.

Библиографические ссылки

1. Штейнман МА, Антонова ИБ, Клягин СВ, Калмыков АА, Жукова ЕН. *Современные коммуникативные науки: социальные практики как совместность слова*. Логунов АП, редактор. Москва: ЛЕНАНД; 2014. 200 с.
2. Пичугина ОА. Урбанистическое пространство в коммуникативной оптике. *Медиа. Информация. Коммуникация* [Интернет]. 2017 [протитировано 3 декабря 2019 г.]; 21. Доступно по: <http://mic.org.ru/new/645-urbanisticheskoe-prostranstvo-v-kommunikativnoj-optike>.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. *Логос*. 2002;3–4:23–34.
4. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. В: Вирт Л. *Избранные работы по социологии*. Николаев ВГ, переводчик; Гирко ЛВ, редактор. Москва: ИНИОН РАН; 2005. 244 с.
5. Бауман З. *Текущая современность*. Асочаков ЮВ, редактор. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 240 с.
6. Lofland LH. *The public realm: exploring the city's quintessential social territory (communication and social order)*. New Brunswick: Transaction Publishers; 2009. 305 p.
7. Мусиезов А. Город как культурная форма. *Социологическое обозрение*. 2013;12(3):121–136.
8. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. Ковалев АД, переводчик. Москва: КАНОН-пресс-Ц; 2000. 304 с. Совместно с издательством «Кучково поле».
9. Сеннет Р. *Падение публичного человека*. Исаева О, Рудницкая Е, Софронов В, Чухрукидзе К, переводчики; Чухрукидзе К, редактор. Москва: Логос; 2002. 424 с.
10. Ольденбург Р. *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. Широконова А, переводчик. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 456 с.
11. Вахштайн ВС. Социология архитектурного объекта между формальной и практической рациональностью. *Новое литературное обозрение*. 2013;3:93–110.
12. Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство России до и после протестной волны 2011–2012 годов. *Stasis*. 2014;2:260–295.
13. Тыканова ЕВ. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013;15(3):112–123.
14. Лефевр А. *Производство пространства*. Стаф И, переводчик; Великанова М, Журбина А, редакторы. Москва: StrelkaPress; 2015. 432 с.
15. Гидденс Э. *Устроение общества: очерк теории структуризации*. Тюрина И, переводчик. Москва: Академический проект; 2005. 528 с.
16. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. Коганова ЗВ, редактор. Москва: АСТ; 2006. 873 с.
17. Шюц А. *Избранное: мир, светящийся смыслом*. Николаев ВГ, Ромашко СВ, Смирнова НМ, переводчики; Смирнова НМ, редактор. Москва: РОССПЭН; 2004. 1056 с.
18. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий. *Социологическое обозрение*. 2002;2(1):41–69.
19. Лебедева ЕВ, Филипова АГ. Дружелюбность городской среды в ракурсе структурно-функционального анализа. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:44–53.
20. Mumford L. *The culture of cities*. San Diego: A Harvest / HBI Book; 1970. 586 p.
21. Романова МД. Социальные аспекты публичных пространств советских и постсоветских городов. *Социальные и гуманитарные науки: теория и практика*. 2018;1:484–489.
22. Филинская ЛВ, Морозова СА. Идентификационные стратегии белорусской молодежи и инклюзивная культура. *Социология*. 2016;2:45–57.
23. Евстифеев РВ, Задорин ИВ, Крупкин ПЛ. Городские локальные идентичности и потенциал политической социализации. В: Малинова ОЮ, редактор. *Символическая политика. Социальное конструирование пространства. Выпуск 4*. Москва: ИНИОН РАН; 2006. с. 245–259.
24. Тощенко ЖТ. Жизненный мир и его смыслы. *Социологические исследования*. 2016;1:6–17.
25. Филипова АГ. Городская «доброжелательность» к детям: взрослый и детский взгляды (на материалах городов юга Дальнего Востока). *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2016;5:58–67.

References

1. Shtejnman MA, Antonova IB, Kliagin SV, Kalmykov AA, Zhukova EN. *Sovremennye kommunikativnye nauki: sotsial'nye praktiki kak sovmestnost' slova* [Modern communicative sciences: social practiced as a world compatibility]. Logunov AP, editor. Moscow: LENAND; 2014. 200 p. Russian.
2. Pichugina OA. Cities through the communication lens. *Media. Information. Communication* [Internet]. 2017 [cited 2019 December 3];21. Available from: <http://mic.org.ru/new/645-urbanisticheskoe-prostranstvo-v-kommunikativnoj-optike>. Russian.
3. Simmel G. [The metropolis and mental life]. *Logos*. 2002;3–4:23–34. Russian.
4. Wirth L. Urbanism as a way of life. In: Wirth L. *Izbrannye raboty po sotsiologii* [Selected works in sociology]. Girko LV, editor; Nikolaev VG, translator. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2005. 244 p. Russian.
5. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Asochakov YuV, editor. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. Russian.
6. Lofland LH. *The public realm: exploring the city's quintessential social territory (communication and social order)*. New Brunswick: Transaction Publishers; 2009. 305 p.
7. Musiezdov A. The city as a cultural form. *Russian Sociological review*. 2013;12(3):121–136. Russian.
8. Goffman E. *The presentation self in everyday life*. Kovalev AD, translator. Moscow: KANON-press-TS; 2000. 304 p. Co-published by the «Kuchkovo pole». Russian.
9. Sennett R. *Padenie publichnogo cheloveka* [The fall of public man]. Isaeva O, Rudnitskaya E, Sofronov V, Chukhruidze K, translators; Chukhruidze K, editor. Moscow: Logos; 2002. 424 p. Russian.
10. Oldenburg R. *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [The great good place. Cafés, coffee shops, bookstores, bars, hair salons and other hangouts at the heart of a community]. Shirokanova A, translator. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. 456 p. Russian.
11. Vakhshain V. The sociology of an architectural object between formal and practical rationality. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2013;3:93–110. Russian.
12. Zhelnina A. «Hang-out», creativity and the right to the city: urban public space of Russia before and after the protest wave of 2011–2012. *Stasis*. 2014;2(1):260–295. Russian.
13. Tykanova EV. The influence of urban political regimes on city space contestation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2013;16(3):112–123. Russian.
14. Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Staf I, translator; Velikanova M, Zhurbina A, editors. Moscow: Strelka Press; 2015. 432 p. Russian.
15. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturalizatsii* [Society Building. Essay on Structural Theory]. Tiurina I, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005. 528 p. Russian.
16. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Kaganova ZV, editor. Moscow: AST; 2006. 873 p. Russian.
17. Schutz A. *Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected works. A world delightful by meanings]. Nikolay VG, Romashko SV, Smirnova NM, translators; Smirnova NM, editor. Moscow: Political Encyclopedia Publishers; 2004. 1056 p. Russian.
18. Garfinkel H. [The study of the usual foundations of everyday activities]. *Sociological Review*. 2002;2(1):41–69. Russian.
19. Lebedeva EV, Filipova AG. Urban environment friendliness in the perspective of a structural functionalism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:44–53. Russian.
20. Mumford L. *The culture of cities*. San Diego: A Harvest / HBI Book; 1970. 586 p.
21. Romanova MD. Social aspects of public spaces of Soviet and post-Soviet cities. *Social Sciences and Humanities*. 2018; 1:484–489. Russian.
22. Filinskaya LV, Morozova SA. Identification strategies of the Belarusian youth and inclusive culture: vectors and intersections (sociological notes). *Sociology*. 2016;2:45–57. Russian.
23. Evstifeev RV, Zadorin IV, Krupkin PL. Urban local identities and a potential of political solidarity. In: Malinova OYu, editor. *Simvolicheskaya politika. Sotsial'noe konstruirovaniye prostranstva. Vypusk 4* [Symbolic Policy. Social construction of space. Volume 4]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social sciences of the Russian Academy of Sciences; 2016. p. 245–259. Russian.
24. Toschenko IT. [Life-world and its meanings]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;1:6–17. Russian.
25. Filipova AG. «Child-friendliness» of cities: children's and adult's views (based on the cases of Russia's Far East cities). *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2016;5:58–67. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.01.2020.
Received by editorial board 17.01.2020.